

О модальной семантике и семиотических инструментах построения исторической памяти

Сурен Т. Золян

*Российско-Армянский университет, Ереван, Армения,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, surenzolyan@gmail.com*

Аннотация. Историческая память репрезентирует прошлое посредством различных семиотических инструментов: нарративов, символов, памятников, ритуалов, и т. д. Подобные формы репрезентации исключают возможность применения к ним семантических критериев оценки истинностного значения. Однако нарративы и другие формы репрезентации исторической памяти претендуют на то, что они основаны на исторических фактах и представляют историческую реальность такой, какой она была/есть. Мы предлагаем рассматривать историческую память и ее представление как многоуровневую семантическую систему. Применительно к историческому дискурсу, где прямое соответствие факта и его описания невозможно, не сама реальность, а ее различные репрезентации/интерпретации представляют собой область референции дискурса. Показано, что такой подход позволяет перенести на исторический дискурс понимание семантической системы языка как механизма, предназначенного на описание возможных состояний дел, а также выявить соотношенность, с одной стороны, между такими разнородными характеристиками, как модальность, каузальность и текстуальность, а с другой – между теориями, описывающими подобные аспекты исторических нарративов. Показано, каким образом в свете семантики возможных миров по-новому интерпретируется известное положение Аристотеля о разграничении исторических и поэтических нарративов. Идеи Ю.М. Лотмана об одновременно проспективном и ретроспективном взгляде позволяют продемонстрировать взаимодействие модальных и темпоральных операторов в историческом дискурсе.

Ключевые слова: Историческая память, модальная семантика, репрезентация прошлого, текстуальность, каузальность, Аристотель, Витгенштейн, Юрий Лотман

Для цитирования: Золян С.Т. О модальной семантике и семиотических инструментах построения исторической памяти // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 365–377. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-365-377

Modal semantics and semiotic instruments of constructing of a historical memory

Suren T. Zolyan

*Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
surenzolyan@gmail.com*

Abstract. Historical memory represents the past by some semiotic tools: narratives, symbols, monuments, rituals, etc. The semantic criteria of true-value assessment are not compatible with such representations. However, collective memory narratives pretend to be based on historical facts and represent the historical reality as it was. We suggest considering historical memory and its representation as a multilevel semantic system. The proposed description method is based on modal semantics, where the meaning of the language expression is considered as a system of domains of interpretation (reference) linked by modal relations. As applied to a historical discourse where the direct correspondence of fact and its description is impossible, it is not the reality itself but its representation that constitutes a domain of reference. It demonstrates that such an approach makes it possible to extrapolate on historical discourse the consideration of the semantic system of language as a mechanism intended for a description of possible states of affairs (Wittgenstein), and to identify, on the one hand, the correlation between such heterogeneous characteristics as modality, causality and textuality, and on the other, between theories describing such aspects of historical narratives. In the frame of the semantics of possible worlds, it is possible to reinterpret Aristotle's well-known statement on the distinction and correlation between historical and poetic narratives. Yu. Lotman's ideas about both prospective and retrospective views make it possible to demonstrate the interaction of modal and temporal operators in historical discourse.

Keywords: Historical memory, modal semantics, representation of the past, textuality, causality, Aristotle, Wittgenstein, Yurii Lotman

For citation: Zolyan, S.T. (2022), "Modal semantics and semiotic instruments of constructing of a historical memory", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 3, pp. 365–377, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-365-377

Все, что может быть описано,
может и случиться.

Л. Витгенштейн

Логико-философский трактат

Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!

А.С. Пушкин. Борис Годунов

1. Цель статьи – описать некоторые логико-семантические и семиотические механизмы формирования исторической памяти. Несмотря на огромное количество исследований, описывающих различные проявления исторической (коллективной, культурной) памяти, крайне мало внимания уделяется самой возможности ее формирования и ее соотносительности с общими когнитивными механизмами памяти. Исключение составляют глубокие исследования Юрия Лотмана о семиотических характеристиках исторического дискурса, им же было отмечен креативный потенциал механизмов памяти культуры¹:

Механизмы памяти культуры обладают исключительной реконструирующей силой. Это приводит к парадоксальному положению: из памяти культуры можно извлечь больше, чем в нее внесено. Эта способность ретроспективно наращивать память говорит о принципиально ином ее устройстве, чем то, которым до сих пор наделяются искусственные интеллектуальные устройства [Лотман 2000, с. 568].

В подтверждение этому мы попытаемся рассмотреть семантические условия, при которых становится возможным этот процесс.

2. История и историческая память репрезентируют прошлое посредством различных семиотических инструментов: нарративов, символов, памятников, песен, и т. д. Подобные формы репрезентации исключают возможность применения к ним семантических критериев оценки истинностного значения, основанных на корреспондентных процедурах его оценки. Требуются особые модальные и темпоральные операторы (*возможно, было, рассказывают* и т. д.).

¹ Напомним, что, как было обосновано в [Ассман 2004], понятие *культурная память* может быть рассмотрено как более приемлемое для обозначения представлений о прошлом и исторических событиях.

Например, формула: высказывание «Снег белый» истинно, если и только если снег белый. Оно предполагает возможность непосредственной проверки. Если же эта ситуация перенесена в прошлое «Снег был белым», то все процедуры истинностной оценки предполагают уже введение некоторых темпоральных операторов «было так, что». При этом в соответствии логикой времени Артура Прайора [Прайор 1981] это предполагает, что мир в настоящем некогда был тем самым миром, в котором в некоторый момент времени снег был белым, и мир, в котором мы сейчас находимся, есть наследник именно того мира. В противном случае, помимо темпорального, понадобился бы некоторый иной оператор («мог быть», «мог не быть» и т. п.). Однако откуда возникает возможность путешествия во времени и в некоторый момент, предшествующий данному, удостовериться в том, что снег в этот момент действительно белый? Эту функцию повествователь, излагающий факты о прошлом, как бы перепоручает другому – очевидцу, который действительно существовал в тот момент, воочию видел то, что снег в тот момент был белым, и – более того, оставил об этом достоверное свидетельство (разумеется, это относится и к факту существования подобного очевидца).

Нарративы и другие формы репрезентации истории и исторической памяти претендуют на то, чтобы они основаны на исторических фактах и представляют историческую реальность такой, какой она есть/была. Однако в качестве таких фактов выступают тексты – как вербальные, так и материальные объекты, которым приписывается знаковая функция (археологические артефакты интерпретируются как знаки, отсылающие к некоторому обозначаемому). Таким образом, описание прошлого отсылает к некоторому предыдущему нарратору или квази-автору (например, раскопки города или гробницы описываются как некоторое послание создавшего его социума). Разумеется, в этом случае возникает вопрос об адекватности как первичной записи, так и ее последующей интерпретации. Тем самым возникает многоуровневая семантическая и прагмасемантическая модальная система, хотя призванная создать иллюзию фактологического повествования. Однако это повествование детерминировано модальными операторами; темпоральные операторы времени смешиваются с деонтическими и эпистемическими. Субъективный компонент (условно: автор и интерпретатор) существенно влияет на описание исторического прошлого. Это постоянное взаимодействие между нарративами и их интерпретациями создает новую ситуацию. Переосмысление существующих нарративов в изменяющихся контекстуальных условиях приводит к созданию новых версий прошлого. Так, историк-повествователь

(или коллективный «автор» нарратива) может быть включен в семантическую систему исторической памяти – как отдельная описывающая система, рассматривающая взаимодействие субъектов, описаний и установок.

Каковы семиотические основы описания прошлого? Можно выдвинуть парадоксальную формулу – описания того, что было, есть частный случай описания того, что могло быть. Обычно описание возможного обращено к будущему – как того, что может случиться. Именно на это ориентированы приведенные в эпиграфе высказывания поэта Александра Пушкина (точнее, Дмитрия Самозванца, высказанные – якобы – в присутствии боярина Гаврилы Пушкина, предка Александра Пушкина) и философа-логика Людвиг Витгенштейна: то, что может быть описано посредством поэтического или формального языка, может и случиться. Однако основа этой возможности поэтического или же логического описания возможностей и тем самым предсказаний будущих состояний дел лежит в самом семантическом механизме языка:

Since man can represent to himself the way, the world is he can represent to himself the way the world might be but isn't. So a formal theory of what is going on leads naturally to the postulation of entities which are these 'ways the world might be'; these are the possible worlds. Language then becomes a rule-governed device for putting into the mind of another a representation of the same set of possible worlds which is in the mind of the speaker. If this is so, then the notion of a possible world is at the heart of semantics and is even more basic than the notion of truth [Cresswell 1988, p. 29].

Описания прошлого также оказываются основанными на выборе из некоторого набора возможностей. Вспомним парадоксальную мысль Шлегеля, которую не совсем точно (заменив Шлегеля Гегелем) высказал Борис Пастернак:

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад².

² Ср.: «Историк – это пророк, обращенный в прошлое» (Шлегель Ф. Фрагменты / Пер. Ю.Н. Попова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 203.

3. Приведенные в качестве эпиграфа тезис Витгенштейна и рассуждения Пушкина дополняют друг друга, поскольку предполагают различные принципы описания того, *что может случиться*. Тезис Витгенштейна отсылает к модальной семантике, фундаментальному свойству языка, которое позволяет нам описывать мир таким, каким он мог бы быть. Но при этом Витгенштейн имел в виду логические описания, поэтому он оговаривал: «То, что может быть описано, тоже может произойти, и то, что закон причинности призван исключить, даже не может быть описано» [Витгенштейн 1958, 6, с. 362].

Однако помимо логики причинности, следует упомянуть логику текстуальности, именно то, что разрабатывается в поэтике и риторике. Первоначальное противопоставление истории и мифа – того, что было в действительности, и того, что было придумано, – уступает место более глубокому разграничению как различию в модусе повествования. Именно так определяется различие между поэзией и историографией в «Поэтике» Аристотеля:

Из сказанного ясно и то, что задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости ($\tau\acute{o}\ \epsilon\iota\kappa\acute{o}\varsigma\ \eta\ \tau\acute{o}\ \alpha\nu\alpha\gamma\kappa\alpha\iota\acute{o}\nu$). [51b1] Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. [b5] Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории – ибо поэзия больше говорит об общем ($\tau\acute{\alpha}\ \kappa\alpha\theta\acute{o}\lambda\omicron\upsilon$), история – о единичном ($\tau\acute{\alpha}\ \kappa\alpha\theta'\ \epsilon\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$). [b8] Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то <характеру> подобает говорить или делать то-то; это и стремится <показать> поэзия, давая <героям вымышленные> имена. [b10] А единичное – это, например, что сделал или претерпел Алкивиад³.

Приведенный фрагмент хорошо известен, но куда меньшее внимание привлекало его продолжение, где Аристотель предполагает, что *сочинитель* может сочинить и то, что случилось в действительности.

[b27] Итак, отсюда ясно, что сочинитель должен быть сочинителем не столько метров, сколько сказаний: ведь сочинитель он постольку,

³ *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 655.

поскольку подражает, а подражает он действиям. [b29] Впрочем, даже если ему придется сочинять <действительно> случившееся, он все же останется сочинителем – ведь ничто не мешает тому, чтобы иные из случившихся событий были таковы, каковы они могли бы случиться по вероятности и возможности; в этом отношении он и будет их сочинителем⁴.

Вышеприведенный тезис Витгенштейна может помочь понять эту парадоксальную мысль: если случившиеся события не случайны, то есть могут быть описаны (наперед?) так, как если бы они происходили в силу закона *причинности* (по Витгенштейну), или *по вероятности и возможности* (по Аристотелю), то *действительно случившееся* предстает как сочиненное.

И наоборот, при отсутствии или недостаточной каузальности *сочиненное*, хоть и не перестает быть нарративом (*сказанием*), выводится Аристотелем за рамки жанра. В пользу этого предположения свидетельствует то, что дальнейшие пояснения Аристотеля основаны не на эстетических, а на каузальных и модальных характеристиках (вероятность, случайность, необходимость), именно исходя из этого Аристотель предлагает отличать *самые слабые и наилучшие сказания*:

Из простых сказаний и действий самые слабые – эпизодические. Эпизодическим сказанием я называю такое, в котором эпизоды следуют друг за другом без вероятия и без необходимости. [b35] Такие сказания складываются у дурных поэтов по собственной их вине, а у хороших – ради актеров: давая им <случай> к соревнованию и растягивая сказание сверх его возможностей, они часто бывают вынуждены исказить последовательность <событий>.

[52a1] А так как <трагедия> есть подражание действию не только законченному, но и <внушающему> сострадание и страх, а это чаще всего бывает, когда <что-то> одно неожиданно оказывается следствием другого [a4] (в самом деле, здесь будет больше удивительного, чем <если что случится> нечаянно и само собой – ведь и среди нечаянных событий удивительнейшими кажутся те, которые случились как бы нарочно: например, как в Аргосе статуя Мития упала и убила виновника смерти этого Мития, когда тот смотрел на нее; такие события кажутся не случайными) – то и наилучшими сказаниями необходимо будут именно такие⁵.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 656–657.

4. Как видим, у Аристотеля речь идет о некоторой повествовательной стратегии, предполагающей, что «хорошие» нарративы должны представлять последовательность событий не так, когда *эпизоды следуют друг за другом без вероятия и без необходимости*, а так, чтобы *нечаянные события случились как бы нарочно*. Не только самому событию, но и отношениям между событиями должно придать определенный смысл, и случайное предстает как закономерное. Эти стратегии, хорошо известные в поэтике и риторике, можно считать манифестацией каузальных логико-семантических отношений применительно к естественноречевому тексту, что позволяет найти общее между аристотелевским и витгенштейновским пониманием связи между тем, что *может быть описано* и тем, что *может случиться*.

Подобная операция – внесение смысла – требует уяснения того, каким образом можно внести то («смысл»), что отсутствует в самом событии. Ограничимся указанием на наиболее важные характеристики. В современных терминах их можно обозначить как механизмы связности между эпизодами и целостности всего повествования, что предполагает наличие у текста единой смысловой рамки. Эта рамка задается такими семантическими координатами, как начало и конец повествования. Правила текстуализации, как можно понять из сказанного Аристотелем, создают определенную каузальную связь между описываемыми событиями. Более того – не может быть события-самого-по-себе, вне описывающей его знаковой репрезентации, будь то предложение, картина, фотография и т. п. Здесь вновь уместно вспомнить Шлегеля: историк в настоящем описывает событие из времени, будущего по отношению к событию, что позволяет ему внести то, что отсутствовало в самом событии – влияние этого события на последующие. В отличие от непосредственного наблюдателя, ему дана возможность знать, какие следствия данное событие оказало на дальнейший ход истории. Как было отмечено Артуром Данто,

Чтобы понимать историческое значений событий в тот момент, когда они происходят, необходимо знать, с какими более поздними событиями их свяжут историки будущего в своих нарративных предложениях. Так что недостаточно одной способности предсказывать события будущего, необходимо знать, какие будущие события окажутся относящимися к делу, для этого потребуются предсказать интересы историков будущего [Данто 2002, с. 164].

Тем самым к самому событию «привязываются» его последствия, что создает причинно-следственную связь (или видимость

таковой). Перечисление событий (эпизодическое повествование, по Аристотелю) преобразуется в такое повествование, где случайное выступает как происшедшее как бы нарочно. Так, решение Кутузова оставить Москву наделяется связями с последующими событиями, как бы следствиями этого решения, и конечной ситуацией – разгромом Наполеона. Это событие с точки зрения предсказывающего назад историка надлено отражением последующих событий, почему и возможны такие высказывания, как, например: *На совете в Филях Кутузов предложил единственно верное решение*. Последовательность событий выступает как связный и целостный текст, обладающий единой смысловой структурой с маркированными началом и концом, и все промежуточные эпизоды подчинены главной функции – создать смысловую, а не только темпоральную связь между ними. Начальные и конечные точки выступают как своего рода борхесовский Алеф – это те точки, в которых присутствуют все остальные точки, лежащие между ними. Эта смысловая структура наделяет соответствующими контекстуальными смыслами любое промежуточное событие (бегство Наполеона, переправа через Березину и т. д.) – именно как способствующая или препятствующая переходу от начала к концу. Так последовательность событий преобразуется в текст, приобретая соответствующие текстуальные характеристики.

5. Как было процитировано выше, по Аристотелю, сочинитель может сочинить и то, что имело место – если опишет его как детерминированное. Но и историк в таком случае, помещая свое повествование о том, что имело место, в некоторую каузальную цепочку, выступает не как описатель фактов, а как их создатель (сочинитель). Эти аспекты текстуализации событийного ряда были выявлены Юрием Лотманом. При этом, создавая факт, историк не в состоянии отделить его от текста, ибо:

...факт – не концепт, не идея, он – текст, то есть имеет всегда реально-материальное воплощение, он есть событие, которому придано значение, а не значение, которому, как в притче, придан вид события. В результате факт, выбранный отправителем, оказывается шире значения, которое ему приписывается в коде, и, следовательно, однозначный для отправителя, он для получателя (в том числе и для историка) подлежит интерпретации [Лотман 1996, с. 304].

Поэтому роль факта в истории оказывается семиотическим явлением, а его семантика может быть рассмотрена как контекстуально-зависимая:

Тем самым факт «вынужден» разделить судьбу всех других типов текстов – он теряет свой абсолютный характер, поскольку он детерминирован не событием, а культурным кодом и оказывается не столько производным от события, сколько порождением культуры в целом. Поэтому воздействие факта на историю оказывается семиотическим или даже текстуальным, а не причинно-следственным, как это принято понимать в философии истории [Лотман 1996, с. 306].

Помимо внесения вышеотмеченных причинно-следственных характеристик, существенно и внесение модальных характеристик. Взгляд из настоящего в прошлое предполагает, что создание текста протекает от конца к началу и в противоположном направлении, чем имевшая место последовательность событий в истории, что приводит к ретроспективной трансформации:

Взгляд из прошлого в будущее, с одной стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняют наблюдаемый объект. Глядя из прошлого в будущее, мы видим настоящее как набор равновероятных возможностей. Когда мы глядим в прошлое, реальное для нас обретает статус факта, и мы склонны видеть в нем нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они приобретают эфемерность [Лотман 1992, с. 194–195].

События преобразуются в предложения, последовательность предложений – в повествование. Определяющими оказываются такие критерии текстуальности, как единство, связность и целостность (*coherence and cohesion*). Необходимым оказывается семантическая цельность текста, что предполагает наличие некоторого смыслового каркаса, который должен объединить разрозненные фрагменты. Смыслы, которые отсутствуют в самих событиях, возникают при их описании – как результат соположения предложений в тексте. История как последовательность событий, которая не имеет начала и конца, преобразуется в текст, а для текста его начало и конец имеют определяющее значение. Эти параметры, во-первых, отделяют данное сообщение от корпуса других сообщений, а, во-вторых, определяют семантические координаты повествования. Все излагаемые в тексте события должны быть соотнесены с данными координатами. Это относится не только к темпоральной оси (все события должны располагаться в заданном этими точками интервале), но и к семантической структуре текста: все эпизоды должны тем или иным способом интерпретироваться относительно этих точек. Заметим, что поскольку речь идет об

истории, то есть о том, что имело место в прошлом, то модальный критерий уместен и в этом случае: случайное и сингулярное, так же, как и в поэтике, преобразуется в универсальное и необходимое. Это еще более подчеркивает системообразующую роль начала и конца: последовательность эпизодов разворачивается как некоторая каузально и семантически детерминированная траектория между ними, а промежуточные эпизоды интерпретируются как звенья, обеспечивающие их связность.

6. В целом можно выделить следующие макро-характеристики исторических нарративов:

- повествование управляется модальными операторами; темпоральные операторы времени совмещаются с деонтическими и эпистемическими;
- семантическая система повествования может быть представлена как модальная структура. Такой подход может выявить, как участники воспринимают и оценивают ситуацию, которую они описывают. Этот субъективный компонент существенно влияет на описание исторического прошлого. Подобное постоянное взаимодействие между нарративами и их интерпретациями создает новую ситуацию. Переосмысление существующих нарративов в изменяющихся контекстуальных условиях приводит к созданию новых версий прошлого;
- историк-повествователь (или коллективный «автор» нарратива) может быть включен в семантическую систему исторической памяти – как отдельная система наблюдения, описывающая взаимодействие субъектов, описаний и установок.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках проекта 21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности».

Acknowledgments

The research is financially supported by the Science Committee of the Ministry of Education, Science, Culture, and Sports of the Republic of Armenia, project 21AG-6C041.

Источники

- Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
 Шлегель Ф. Фрагменты / Пер. Ю.Н. Попова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия.
 Критика: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 290–316.

Литература

- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
 Витгенштейн 1958 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 133 с.
 Данто 2002 – Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.
 Лотман 1992 – Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
 Лотман 1996 – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
 Лотман 2000 – Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
 Прайор 1981 – Прайор А.И. Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 76–97.
 Cresswell 1988 – Cresswell M.J. Semantical Essays: Possible Worlds And Their Rivals. Dordrecht: Springer, 1988. 212 p.

References

- Assman, Ya. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political affiliation in the high cultures of antiquity], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
 Cresswell, M.J. (1988), *Semantical Essays: Possible Worlds And Their Rivals*, Springer, Dordrecht, Netherlands.
 Danto, A. (2002), *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical history of philosophy], *Ideya-Press*, Moscow, Russia.
 Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], *Gnozis*, Moscow, Russia.
 Lotman, Yu.M. (1996), *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds: Man – text – semiosphere – history], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
 Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosfera* [Semiosphere], *Iskusstvo-SPB*, Saint Petersburg, Russia.

- Praior, A.I. (1981), "Temporal logic and continuity of time", in *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logic* [Semantics of modal and intensional logics], Progress, Moscow, Russia, pp. 76–97.
- Wittgenstein, L. (1958), *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сурен Т. Золян, доктор филологических наук, профессор, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123;

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; surenzolyan@gmail.com

Information about the author

Suren T. Zolyan, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin street, Yerevan, Armenia, 0051;

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevskogo Street, Kaliningrad, Russia, 236041; surenzolyan@gmail.com